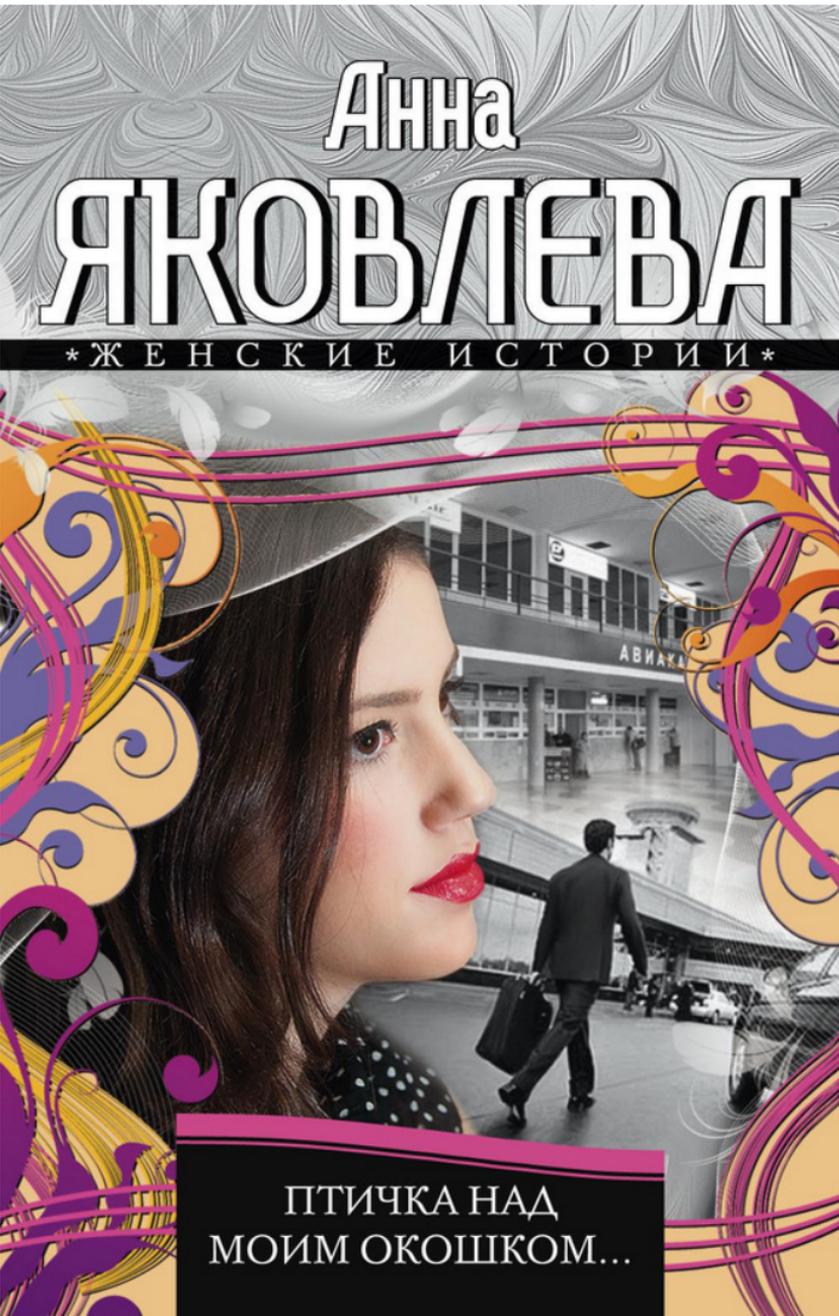

Анна ЯКОВЛЕВА

* ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ *

ПТИЧКА НАД
МОИМ ОКОШКОМ...

Анна Яковлева

Птичка над моим окошком

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958850

Птичка над моим окошком...: роман: Центрполиграф; Москва; 2012

ISBN 978-5-227-03968-2

Аннотация

Августа была возмущена новым соседом до глубины души. Через стенку типового дома всю ночь доносились недвусмысленные звуки безудержного секса. Хорошо, что братик спит в дальней комнате...

Матвей последние три года работал на золотом прииске в предгорьях Сихотэ-Алиня и по многу месяцев проводил в компании грубых мужиков. Поэтому в законный отпуск намеревался насладиться всеми радостями жизни, включая самое тесное общение с девушками без комплексов. Первая же ночь была на редкость удачной, а вот утреннее пробуждение не понравилось: за стеной кто-то голосом занудной гарпии наставлял ребенка в игре на скрипке...

Анна Яковлева

Птичка над МОИМ ОКОШКОМ...

Роман

Все события, происходящие в романе, вымышленны, любое сходство с реально существующими людьми – случайно.

... Слышимость была аховой, как в амфитеатре. Точно строители спьяну перепутали и вместо звукоизоляции проложили звукоусиление.

Скрип и ритмичное характерное постукивание кровати за стеной вопреки всем попыткам оградить себя от чужой частной жизни (для чего были испробованы наушники с релаксирующими звуками леса и моря и детектив по НТВ) проникали в подкорку, будоражили воображение сильнее, чем закрученный детективный сюжет, и – самое отвратительное! – вызывали ответную реакцию в крови.

– Уроды. – Августа не находила себе места, вертелась с боку на бок и ненавидела соседей изо всех дамских сил.

Соседи спаривались уже два часа. Ясно же: продолжительность эрекции не могла быть естественной, не иначе, за стеной кувыркались завзятые любители какой-нибудь дури.

Августа едва сдержалась, чтобы не плюнуть на стену, поднялась и прошлепала на кухню – выпить валерьянки.

Счастье, что брат Даниил спит в дальней комнате. Как бы она смотрела в глаза тринадцатилетнему озабоченному юнцу?

Вообще, соседняя квартира стала источником постоянного раздражения.

Пару месяцев назад оттуда съехали беспокойные постельцы, и не успела Августа перекреститься, как за стеной начался ремонт.

После ремонта квартира какое-то время хранила молчание, и Августа тихо радовалась этому обстоятельству. Сглазила. Теперь не знала, куда деться от умопомрачительных звуков. А кто бы смог заснуть под такой аккомпанемент?

Росло подозрение, что квартиру сдали новым квартирантам – наркоманам.

Даже если предположить, что эти двое за стенкой не нарки, а дважды женаты и трижды обвенчаны, все равно этот грандиозный трах, этот секс без границ – это... это черт знает, что такое. Никаких приличий.

При таком вулканическом темпераменте, как у этой парочки, нужно жить в отдельном доме. Или снимать номер в гостинице.

На исходе часа Быка Августа не выдержала. Конечно, она не озабоченный подросток, но тоже живой человек. Со всей осторожностью, на какую была способна, повернула дверь.

ной замок, выскользнула на лестничную площадку, ступая на носках и трусливо вздрагивая от каждого шороха, прокралась к квартире номер 22 и яростно, испытывая садистское наслаждение, вдавила кнопку звонка.

После чего с сознанием исполненного долга юркнула обратно, прикрыла дверь, медленно и беззвучно повернула замок. Yes-s!

Вернулась в постель, сдерживая стук сердца и дыхание, прислушалась: в вакханалии за стеной наступил антракт.

... Частный дом – это «cool», круто, всегда утверждал Данька, и Августа (особенно в связи с соседями) была с братом согласна.

Погода и природа тут были ни при чем, хотя весной, когда на Любашкином участке белым цвели яблони и розовым – абрикос в самом дальнем углу сада, было действительно «cool». Впрочем, летом тоже было ничего. И осенью, чего уж там. Но главное – благословенный покой.

До недавних пор Данька с превеликим удовольствием ездил в гости к институтской подруге Августы, крестной тете Любе Тетерской и ее сыну – обжорливому Егорке. Разница между детьми была семь лет, Данька верховодил, и это тоже было круто.

Пока брат набивал руку на дедовщине, Августа с Любашкой разговаривали разговоры.

Любаня была матерью-одиночкой, дом достался ей от ро-

дителей, поддерживать его в порядке помогал двоюродный брат, дальнобойщик Сергей – тоже Тетерский – неразговорчивый и мрачноватый тридцатидвухлетний холостяк.

Сергей был мужчиной грубым, русским владел со словом, но Данька при любой возможности ходил за дядей Сережей как пришитый и душу готов был заложить за то, чтобы посидеть в фуре.

Августа и в мыслях не могла допустить, чтобы ее Данька крутил баранку: у брата обнаружился абсолютный музыкальный слух – в отца, неудачливого рок-музыканта, спившегося от разочарования, когда выяснилось, что он не Джимми Хендрикс, а также не Би Би Кинг и вообще пролетел мимо всех рейтингов судьбы.

По инициативе Любани Сергей стал крестным отцом Даниила. На роль крестного Тетерский был предложен с дальним прицелом: Любаня мечтала окрутить брата с Августой.

Догадаться о планах подруги было несложно: слишком часто для дальнобойщика Сергей попадался Августе на глаза.

Августа испытывала чувство вины перед Любкиным братом, как будто голову морочила много лет. На самом деле она никакого повода не давала. Между ними всегда была дистанция – вспаханная нейтральная полоса, на которую нельзя ступить безнаказанно. Оба барражировали вдоль полосы, присматривались, принюхивались, как пограничники соседних держав, но сунуться на запрещенную территорию не рисковали. Августа не представляла, что удерживало Сергея, ее

удерживал интерес... Медицинский.

Дальнобойщик Серега Тетерский страдал профессиональными заболеваниями всех водителей: радикулитом, гастритом и геморроем – это не считая гайморита.

Гайморит был очевиден. Остальные диагнозы Августа ставила по косвенным признакам (по напряженной пояснице, по затраченному на толчке времени и по цвету лица, по французскому прононсу, а также по настроению Сергея – угрюмому), но улик было достаточно, чтобы вычеркнуть дальнобойщика из списка ухажеров.

О маленьком бзике подружки Любаня узнала случайно, когда тонко рекламировала брательника.

– Устенка, посмотри, какой мужчина! – с материнской любовью кивая на Сергея в раскрытое окно кухни, говорила она, шинкуя капусту на салат. – Какая статья, какой разворот плеч. Ты знаешь, он ведь снайпером служил. Просидел осенью на позиции больше двух суток, а позиция была в реке. И все – простыл, кашель, насморк. Нет бы сразу в госпиталь. Ты же знаешь мужиков – ой, да само пройдет. Смешно – из-за хронических соплей демобилизовался.

Услышав эту историю, Августа сделала смелый и далекоидущий вывод: к списку хронических заболеваний дальнобойщика добавила простатит.

– Ничего смешного, – Августа в этот момент колола орехи на какой-то сложный салат с массой ингредиентов, – насморк – бич человечества. А гайморит, сама знаешь, вообще

неизлечим.

Гипердиагностика – это тоже своего рода клиника.

К радости Августы, непоследовательная Любашка перескочила с личности Сергея на профессиональные привычки медиков.

– Это преувеличение. Гайморит трудно, но лечится. Все время удивляюсь, насколько прав Фрейд, – почтительно изрекла Любаша, – везде сплошная психология. Знаешь, почему мы обожаем запугивать пациентов?

Для поддержания Любашкиного авторитета Августа прикинулась веником:

– Почему?

– Чтобы переложить ответственность. Хотя бы частично. Потому что пациент – он кто?

– Кто? – усмехнулась Августа. Кому, как не ей, знать, кто такие эти пациенты – либо маниакальные личности, влюбленные в собственные болезни, либо пофигисты, типа Сергея. Разумная середина среди них большая редкость, исключение, подтверждающее правило.

– Среднестатистический обыватель, который ни за что не хочет отвечать, даже за себя. За себя в первую очередь. Потому что если за себя отвечать, то надо менять образ жизни, а менять лень.

– Точно, – подхватила Августа, – им хоть кол на голове теши. Говоришь, говоришь: нельзя. Стена. Глухая.

Орех вырвался из орехокола и укатился. Августа накло-

нилась за ним под стол.

– Девчонки, ну, скоро? – прогундосил в этот момент бас, и в оконном проеме возник Егорка, восседающий на плечах у дяди.

Августа из-под стола наблюдала, как Любашка делает энергичные знаки, и, когда стала распрямляться, ударилась затылком о крышку стола – несильно, но обидно. Досада на подругу удвоилась.

– Ну-ка, брысь, – шуганула непонятливых родственников Любашка, – нечего подслушивать.

– Ма, – заныл любитель поесть, – дай хоть бутер!

– Держите. – У Любки на этот случай всегда имелся пакет со стратегическим запасом – бутербродами с колбасой и сыром. – А какой надежный, – вспомнила о своей своднической миссии Любаня, отогнав от окна родственников, – вот увидишь, достанется какой-нибудь оторве. Будет за ним как за каменной стеной.

Августа долгим взглядом проводила уплывающую странную фигуру из двух тел – маленького и большого. Она бы не хотела жить с каменной стеной, подточенной геморроем и гастритом. Примерно так Августа и высказалась, чтобы Любаня на ее счет не строила иллюзий.

– Пусть вылечится для начала.

– Ну ты даешь, – Любаня ошарашенно посмотрела на подругу, – а если ты сама заболешь?

– А я никому не навязываюсь, – отрезала Августа.

Конфликт не разгорелся, потому что Любаня была голубем мира, но даже голубь мира способен обидеться, и подружка весь обед дулась, и, кажется, успела подать знак Сергею, что разговор с Августой ничего не дал, во всяком случае, Сергея, попробовав сложный салат, процитировал строчку из песенки Раджа Капура:

– Лучше голый и голодный, но любимец всенародный.

Часто Августа не могла понять, хамит Сергей или просто так мыслит. Из-за геморроя и гастрита.

... Матвея Степуру можно было обвинить в чем угодно, только не в мизантропии.

Ни субъективных, ни объективных причин для мизантропии не существовало в помине: ему только исполнилось двадцать семь, родители были живы и жили отдельно (отдельно и от Матвея, и друг от друга).

Ничего похожего на неприятности, такие как внезапная болезнь, карточный долг, долг банковский, незапланированная беременность, неожиданная влюбленность или (свят, свят) роковая страсть, из которой одна дорога – под венец или в петлю, – ничего такого не было в его жизни.

Еще несколько дней назад Матвей Степура носил пробы золота в отдел технического контроля, гонял работяг из ит-ээровской душевой, бродил с ружьишкой по юго-восточной оконечности Сихотэ-Алиня, ловил руками хариуса в прозрачных водах Анюя и даже не догадывался, что уже через

пару дней будет жаждать чьей-то крови. Совсем даже наоборот – Матвей Степура пребывал в благостном предвкушении отпуска.

Вот он в отпуске... А тут такая засада... с самого утра.

Нет-нет, к самому утру не было никаких претензий – утро было чудесным, свежим, полным волнующих перспектив. Перспективы эти брали начало в умопомрачительном вчерашнем вечере.

Вечер... м-м-м... вечер был просто зашибись. И ночь, кстати, тоже...

Витася подцепил на нудистском пляже двух курортниц с шикарным экстерьером: оливковые тела без следов от купальника, пирсинг в пупках, браслеты на узких и вытянутых, как у персонажей Эль Греко, щиколотках и запястьях, а на тугих, выпуклых ягодицах – тату. При взгляде на роскошных самок возбуждение наступало сразу и навсегда, а торможение не наступало вовсе.

– Беленькая и черненькая – Одетта и Одиллия, – рекомендовал девиц уже слегка поддатый Витасик.

У Витасика к тому моменту сложились доверительные отношения с Одиллией, и примерно через полтора часа он отбыл с девицей домой.

Одетта осталась у Матвея.

– Ты моряк, что ли? – заподозрила курортница через три часа акробатических этюдов в постели.

– Старатель, – заплетающимся языком вымолвил Матвей.

Тут в дверь кто-то позвонил. Мотя, пошатываясь, соорудил из простыни тогу и поплелся в прихожую, где несколько секунд рассматривал в глазок пустую лестничную площадку.

– Кто там? – сонно осведомилась нудистка у вернувшегося Матвея.

– Завистники, – отозвался он, засыпая на ходу...

В распахнутую балконную дверь врываются звуки ночного города, треск цикад и сонное бормотание птиц.

... Пробуждение свело на нет радость здорового секса.

– Сели красиво, – командовал хорошо поставленный, зычный женский голос, – спину держим. Локоть. Так. Пальцы мячик схватили. Хорошо. Поехали. И-и – раз, и-и – два, и-и – три, и-и... – Голос был противный, как пенопласт по стеклу. Крик павлина, а не голос.

Матвею спросонья показалось, что диван, на котором он наверстывал упущенные в тайге удовольствия, стоит на сцене или в музыкальном классе. Он в испуге разлепил веко: что? где?

Стена в золотую и зеленую полоску, диван с бледно-коричневой обивкой – все те же и там же.

Стрелки часов безучастно показывали время – восемь утра.

Чтоб тебя разорвало, чтоб тебя черти слопали, чтоб на тебя кирпич упал, чтоб ты голос потеряла, коза, овца, выхухоль. Укротительница от музыки.

У Матвея был абсолютный музыкальный слух и «тупой угол» между большим и указательным пальцами – как раз для захвата грифа скрипки. Учитель прочил Матюше большое концертное будущее. Но дело было не в абсолютном слухе – дело было в принципе. Матвей Степура принципиально не желал проводить за скрипкой отпущенное для игр детство, а из-под палки нельзя стать музыкантом.

Голос за стеной продолжал властвовать, подчинять себе все живое и неживое:

– Не зажимай руку, мягче, мягче. *Legato*. Что означает *legato*? «Связно», бестолочь.

Ясно: лавры неутомимого Леопольда Моцарта, папашки Вольфганга Амадея, не дают покоя изуверам родителям.

Матвей издал протяжный стон и попытался засунуть голову под подушку.

На подушке лежало что-то тяжелое и мешало. Раздражаясь все больше, Матвей подслеповато уставился на пряди светлых, выгоревших на солнце волос. Вчерашняя курортница-нудистка, вспомнил он. Имя девушки Матвей, как ни силился, вспомнить не смог. Ну не Одетта же, на самом деле...

Гостья спала сном праведницы и выводила носом рулады. Матвей с завистью прислушался к переливам и сделал еще одну попытку вспомнить имя цирцеи. Тоня. Да, кажется, Тоня. Или Таня.

Под пристальным взглядом Матвея нудистка завозилась,

села, не давая себе труда прикрыть прелести, зевнула, открыв розовое, как у щенка, нёбо:

– Где это?

Прямо в глаза Матвею лез смуглый сосок.

– Что?

– Голоса. Где это?

– У соседей.

– Не повезло тебе с соседями, – сообразила Тоня или Таня.

Кто ж спорит.

Нудисточка сладко потянулась, на что-то надеясь, выставила себя напоказ, и, кажется, не торопилась уходить.

Матвей ничем не мог порадовать Тоню или Таню: от ночного влечения не осталось и следа, он хотел в сортир, хотел в душ, хотел полную кружку крепкого, дымящегося чаю, но при Тоне-Тане не хотел ничего, испытывал нарастающее чувство досады и с нетерпением ждал, когда нудисточка догадается освободить жилплощадь.

– У тебя кофе есть? – поинтересовалась та вместо того, чтобы шустро собраться и исчезнуть.

Пришлось простимулировать.

– Нет, в доме пусто, я только вчера прилетел и не успел ничего купить, – моментально соврал Матвей.

Задолго до его приезда мама набила полки шкафов и холодильника под завязку.

– Могу сгонять в магазин. – Как на беду, Тоня-Таня оказа-

лась на редкость отзывчивой. Если повзрослевшая при свете дня нудистка продолжит в том же духе, подумал Матвей, он переквалифицируется из женолюба в женофоба.

– Не-а, ко мне сейчас матушка приедет. Ты это, – покопился на полосатую стену Матвей, – иди домой.

Это была безобидная ложь: матушка отдыхала в Турции и со дня на день должна была вернуться. О своем желании отдохнуть мать писала по электронке и страшно переживала, что они разминутся на пару дней. Матвей, как хороший сын, настоял, чтобы родительница не брала ничего в голову, а ехала отдыхать.

– Позвонишь? – снова уступила цирцея.

– Позвоню, – малодушно соврал Матвей и накрыл наконец голову подушкой.

В этот момент за стеной рука будущего гения сфальшивила и была остановлена неумолимым хлопком:

– Достаточно. Давай следующее упражнение. И-и-и... Птичка-над-моим-окошком, – вывел мелодию голос.

– М-м-м, – в отчаянии промычал Матвей в подушку.

В голове мелькнуло: существуют же какие-то законы в защиту детей от произвола родителей и учителей? И летние каникулы никто не отменял, если он правильно помнит.

– Со второго такта, еще раз, – снова раздалось за стеной. Был слышен каждый оттенок в интонации. Или это только игра воображения?

А если это чудовище дает уроки на дому? И что теперь –

так будет всегда? Не-ет, только не это. Команды не отличались разнообразием:

– Считай вслух.

– И-и – раз, и-и – два, и-и... – понеслось в два голоса.

Второй – неокрепший басок – был еле слышен.

В прихожей хлопнула дверь, нудистка вымелась, Матвей со вздохом отбросил подушку и перевернулся на спину.

Последние два года все известные актрисы, малоизвестные актрисульки, совсем неизвестные восходящие звездочки, одноклассницы, соседки, подруги по университету, просто знакомые и знакомые знакомых – все являлись Матвеем во снах в откровенных позах и одеждах. Витася грубо намекал, что это спермотоксикоз и пора завязывать с тайгой, возвращаться к оседлому образу жизни на малой родине.

– И-и – раз, и-и – два, – снова солировала дамочка.

Голос был везде, окружал и сжимался вокруг дивана наподобие колец удава.

Чтобы извлечь хоть какую-то пользу из ситуации, Матвей попытался представить дамочку порнозвездой. Напрасный труд – голос за стеной не монтировался с роскошным телом и удовольствием, зато отлично монтировался с мифологическими персонажами – с гарпией или фурией. Или сиреной – в мифологии Матвей был не силен.

В душе поднимались протест и бессильная ярость: у него были совсем другие планы на отпуск, совсем. Первым пунктом в плане значился крепкий и продолжительный сон. Так

он долго не продержится.

Матвей сосредоточился.

Этот командирский голос вполне мог бы принадлежать... укротительнице в цирке. Или гувернантке с узкими губами, этаким французской «мадам», менторским тоном высушивающей мозг ребенка запретами на радости. Еще... еще... тетушке Тома Соьера – тете Полли, свято чтущей библейское правило: «Кто щадит младенца, тот губит его». Как сексуальные объекты персонажи были абсолютно безобидны.

И тут вдруг полусонное сознание выкинуло фортель: голос взял и вселился в секс-диву в профессиональном облачении: в карнавальной маске, в ботфортах, в кожаном лифчике и поясе для чулок, с плетками, наручниками и разными интересными прибамбасами из секс-шопа. «И-и – раз, – приговаривала блудница, щекоча партнера плетью по ребрам, – и-и – два...»

Матвея окатило жаром, он вынырнул из воображаемой реальности, с беспокойством прислушался к нарастающему возбуждению. «Поздравляю, Степура, – сказал сам себе, – это диагноз».

* * *

... Если бы не вульгарный кризис в экономике, Матвей никогда бы не уехал к отцу на север.

Хотя, может, он просто редкий неудачник? Вот и оказался

у черта на рогах, в таежном поселке, которого и на карте-то нет, тупо заполняет журналы учета проб. Графа «Отобрано», графа «Обработано». Графа «Итого».

Романтика, блин. Ни жилья нормального, ни цивилизации. Ни телок. Снежные ковры девять месяцев в году, тайга и мат – вот его реальность. Живет среди неудачников, заряжается энергетикой неудачников. Удачливые все здесь, на его малой родине, в теплых краях. Взять хотя бы Витасика – бывшего одноклассника, вечно сопливого Виталия Шутихина. Таких лоботрясов поискать, а поди ж ты – корреспондент телевизионной программы «Новости сегодня».

Еще три года назад все было наоборот: это Витасик завидовал Матвею, который сразу после универа подвизался на должности экономиста в крепкой строительной конторе.

Контору тряхнуло так конкретно, что ее закрыли. Матвею до сих пор было неловко вспоминать наивные мечты о карьере, дружбе и любви. Все сплелось в змеиный клубок, змеи оживали, поднимали голову и шипели, стоило только случайно задеть.

Матвей старался не задевать, обходил воспоминания стороной.

Хорошая профессия – строитель, мрачно думал он, хаотично перемещаясь по квартире с сиротской кружкой, полной дымящегося чая. За каким чертом он учился на экономиста? Теперь его дипломом только подтереться.

Пока он отвисает в тайге, здесь все места перераспределя-

ются между своими. А он – кому он свой? Чем дольше сидит на севере, тем верней его забывают даже сокурсники, даже одноклассники, даже родственники.

... В попавшуюся по дороге аптеку Матвей завернул, чтобы пополнить запас презервативов: Шутихин обещал вечеринку, а Шутихин слово держал.

Сам Витасик в этот судьбоносный момент канючил в трубку:

– Ну сколько можно тебя ждать? Купи пиво, огненной воды бутылки две, а лучше три! И пожрать чего-нибудь.

– Ты же сказал, телки будут, – полузадушенным шепотом уточнил Матвей.

– Будут, вот те крест на пузе.

Значит, резинки нужно купить обязательно. В компании у них с Витасиком были разные обязанности. Пока Витась глушил спиртное и закусьвал, Матвей сбрасывал накопленное за семь месяцев сексуальное напряжение.

И вот тогда... вот тогда периферийным зрением, кромкой сознания, шестым чувством, каждой клеткой Матвей Степура уловил некое сияние. Сияние усилилось, и у Матвея обострились все чувства, будто с него содрали кожу, и он вдруг всем обнаженным существом не понял – нет, угадал: перед ним ангел.

Очередь продвинулась вперед, а Матвей, сраженный видением, продолжал стоять столбом.

И тут ангел обратился с простым и где-то даже оскорбительным для ангела земным вопросом:

– Вы крайний?

Голос тоже был неземной. Даже не голос, а гармония сфер. Через барабанную перепонку музыка проникла в грудь, внеся хаос в отлаженную работу всех органов, и обосновалась где-то в районе сердечной сумки.

Ослепленный сиянием, Матвей сфокусировал взгляд...

Чего-то такого он и ожидал.

Сияние исходило от смуглого существа с тонкими чертами узкого, интеллигентного лица, с высокомерными бровями, серыми внимательными глазами эльфа, в которых Матюша с готовностью бы утопился. Вблизи оказалось, что глаза у существа родом из северных морей и такие же изменчивые: серые со стальным отливом.

Одет эльф был во все черное: черные джинсы, черную майку, черные босоножки, открывающие беззащитные пальчики с маникюром. Черный цвет только подчеркивал хрупкость и внеземное происхождение существа и вносил загадочность.

Вместо того чтобы хоть что-то предпринять, улыбнуться, сказать «Привет» или – как вариант – ответить, что он крайний, Матвей стоял, как идиот, с открытым ртом и не отрываясь пялился на девушку.

Ужасная правда состояла в том, что в тайге он разучился знакомиться с ангелами. Никогда еще Мотя так не завидовал

Витасику, тому куражу, раскованности, местами переходящей в тонкую, трудноуловимую наглость, изобретательности и остроумию, с которыми тот обзаводился знакомствами.

В решающую минуту язык Матвея одеревенел, и не только язык – тело стало чужим и непослушным.

Заглянув в холодные серые глаза, Мотя с отчаянием понял, что пропер свой шанс самым бездарным образом.

Дернув плечиком, ангел скользящей походкой обошел оторопевшего молодого человека с отвисшей челюстью и пристроился за малосимпатичной старухой.

Сердце после остановки сорвалось с места, Мотя наконец сообразил, что сейчас между ним и ангелом кто-нибудь вклинится, а этого он допустить никак не мог.

Сделав над собой усилие, оторвал тяжелые ноги от пола, вплотную приблизился к ангелоподобному существу и уловил абсолютно невещественный запах – ветра и мокрого снега.

С этого момента, как водится, очередь стала двигаться семимильными шагами, и через пару минут чернокрылый ангел оказался у окошка.

– Привет, Ирма. – Существо положило на стойку узкую бестелесную руку с блестящими ноготками – лапку пернатого.

Первым делом Матвей обследовал безымянный палец: птица была не окольцована. Кто ж ее окольцует – она же ангел.

– Привет, – лицо девицы в окне озарилось, – как ты?

– Нормально.

Зависть острым коготком царапнула Матвея: ничем не примечательная девица говорила с ангелом, как говорят с подругой детства, дальней родственницей, одноклассницей, соседкой. Ангел по определению никому не мог быть одноклассницей, подругой детства и соседкой. Не мог, и все.

– Беруши есть?

– Нет.

– А натрия бромид? – по-человечьи усталым голосом осведомился ангел.

– Тебе или Даньке?

– Мне. Даньке только лоботомия поможет.

– Тебе в ампулах или в таблетках?

– В таблетках, если есть.

– Сейчас посмотрю. – Счастливица в окне покинула рабочее место и отошла к многочисленным ящичкам в глубине зала.

В руки Матвею плыл редкий второй шанс. Во всяком случае, именно так он истолковал совместное ожидание у аптечного окна.

Вместо соловьиной трели, пощелкивания и посвистывания Матвей издал хриплый клекот:

– Э-э... мм.

Ангелоподобное существо обернулось.

В ту же секунду вокруг все неумовимо изменилось, Мат-

вей услышал дыхание судьбы с легким перегаром мистики.

– А этот... бромид – это от чего? – наконец выдавил он.

Внезапно в серых глазах зародились волны. Холодные, пеннистые, они обдали Матвея брызгами.

– От бессонницы.

– Неужели ангелы спят?

Шторм усилился, отражение Матвея раскачивалось на потемневших грозовых волнах, как щепка.

Видимо, опасаясь, что холодные волны выйдут из берегов, существо на секунду прикрыло глаза:

– Хотела бы я посмотреть на ангела, которому не повезет с соседями, как некоторым смертным.

– Что, сильно достают? – участливо спросил Матвей.

Неожиданно ангел смягчился, и северное море подпустило тепла:

– Сильно. Так сильно, что вот успокоительные потребовались. Не мне, – торопливо добавило существо, – пожилой женщине. У нее гипертония, нервничать совсем нельзя, а тут эти... соседи спать не дают.

– Так, может, иприт или крысиный яд? – вышел с предложением Матвей.

– Это как-то слишком радикально, – проявило гуманность небесное создание, – лучше купить беруши – по крайней мере, уголовно не наказуемо.

В окошке произошло движение, и Матвей активизировался:

– Девушка, не знаете, есть средство от любви с первого взгляда? – Ничего более оригинального в голову не приходило, хоть тресни – совсем отупел в тайге.

– Конечно. Второй взгляд. Обычно помогает.

– Я серьезно. Вот увидел вас, и сердце чуть не выпрыгнуло, не верите? Сами послушайте. – Матвей сделал приглашающий жест.

Ангелоподобное существо отстранилось:

– Купите валокордин.

– А если не поможет?

– Тогда вам к эндокринологу – гормоны по его части, – сердито буркнуло небесное создание и отвернулось, очаровательно поджав губки.

Конечно, на самом интересном месте их прервала аптекарша – выложила на прилавок упаковки с лекарствами, зашелестела, ручонки потянула, полезла с разговором.

Матвей понял, что сейчас все кончится, не успев начаться, и ангел покинет его, грешника, как и положено ангелам, и он останется один-одинешенек в этом бушующем враждебном мире. Отец, мама, родня, Витасик и Тоня-Таня не в счет.

Ангел уже спрятал кошелек в сумку и отступил от витрины.

Близкий к отчаянию, Матвей предложил:

– Так, может, вам помощь нужна? Могу поговорить с соседями.

– Спасибо, не стоит, – сдержанно улыбнулся ангел.

– Молодой человек, не задерживайте очередь, – напирал сзади одышливый астматик.

– Дальше! – настаивала девушка в окне.

Попросить при ангеле резинки – на такой откровенный цинизм Матвей был не способен, никаких лекарств, кроме активированного угля, он не знал, на размышления времени не было, и Матвей сказал то, что первым пришло в голову:

– Мне то же самое.

– Тоже натрия бромид? – Аптекарьша смотрела с подозрением.

– Да, – с досадой пробормотал Матвей, – бромид.

Конечно, раньше, чем он успел выкупить товар, ангелоподобное существо упорхнуло, оставив на память о себе аромат ветра и мокрого снега.

Выскочив из аптеки, Степура принюхивался, как потерявшийся щенок, вертел головой в надежде взять след, обнаружить девушку если не на тротуаре, то на крышах домов, в ветвях деревьев или на перистых облаках – тщетно. Видение исчезло, как мираж, как галлюцинация.

Ваза с цветами (семь белых полураскрытых голландских роз на высоких стеблях вперемежку с метелками аспарагуса) занимала все рабочее пространство, и Августа с раздражением сдвинула букет на границу между столами – ее и медсестры Татьяны Ивановны, с которой вела прием.

Теперь ваза мешала видеть Татьяну Ивановну. Раздраже-

ние усиливалось, набирало мощь и уже готово было выплеснуться наружу.

Угадав по сдвинутым бровям Августы настроение, Татьяна Ивановна сместила вазу чуть в сторону. Теперь букет закрывал календарь на стене, и Августа коротко, но выразительно вздохнула. Этот пациент с дискинезией желчевыводящих путей уже достал ее.

У Дискинезии была фамилия и имя-отчество, но Августа их не помнила.

Вообще, это свойство запоминать не пациента, а болезнь поначалу пугало. Августа отчетливо, во всех подробностях представляла эту самую дискинезию, а образ полнеющего и лысеющего поклонника помнила смутно.

Поклонник был при деньгах, и как он попал в районную поликлинику, для Августы оставалось загадкой. Такие сейчас предпочитают частные клиники.

– Утром Бовбель забегал, передал вам розы, – медовым голосом пропела медсестра. На ее нервном лице мелькнуло мечтательное выражение. – Где мои семнадцать лет?

Бовбель – это и есть Дискинезия, вспомнила Августа. Спаси, Господи, и сохрани от такой фамилии.

– На большом Каретном, очевидно, – буркнула она и устыдилась. Две бессонных ночи и/или целибат сделали ее неврастеничкой?

Дверь открылась, впуская первого пациента. Августа придала лицу значительное выражение. Почему-то пациенты все

время принимали ее за медсестру. И этот Бовбель (Августа метнула недовольный взгляд на вазу) тоже не отличался проныцательностью.

Вошедшая молодая женщина опустилась на стул сбоку от стола и для убедительности принялась кашлять. В этом кашле, кроме демонстрации, Августа на слух уловила тревожные звуки.

– На что жалуетесь? – стандартно осведомилась она, открывая карту.

– Кашель замучил, доктор.

– Поднимите футболку, – сделав отметку в карте, попросила женщину Августа.

Та безропотно подняла старенькую футболку и обнажила грудь, прикрытую выдавшим виды застиранным лифчиком.

Августа вставила в уши стетоскоп:

– Дышите.

В ушах раздался шум морского прибора, на фоне которого какая-то безголосая птица выводила:

– Фьюить, фьюить.

Августа совершенно явственно почувствовала легкий укол в груди и вспышку в сознании. Хрипы в легких.

– Татьяна Ивановна, – Августа быстро посмотрела на медсестру, но взгляд запутался в букете, – здесь снимок нужен и кровь на анализ.

– Да-да, Августа Михайловна, – вытянув шею, выглянула из-за вазы Татьяна Ивановна и достала бланки.

Эта вряд ли выкупит в аптеке лекарства дороже йода с зеленкой, надо класть в стационар, можно было прочесть во взгляде медсестры. Еще в понедельник главный предупредил, что мест в больнице нет, ответила взглядом Августа. Обмен взглядами продолжился: дня через два видно будет. Не забыть предупредить патронажную сестру...

– Аллергия на антибиотики есть?

– Не замечала. – Исчерпывающий ответ, недовольно подумала Августа, что вообще ты замечала?

Настроение было скверным, на сердце лежала какая-то бетонная плита. ПМС? Рано еще. Тогда от чего так мутно на душе? От жизни, диагностировала Августа.

Подавив вздох, назвала Татьяне Ивановне препараты для лечения и дозировки и, пока та выписывала рецепты, незаметно для себя оказалась далеко.

В результате сложных тестов англичане установили, что если мужчина в упор смотрит на женщину дольше восьми секунд, то этот взгляд может стать предвестником любви. Или влюбленности.

Августа улыбнулась уголками губ.

Под прицелом глаз того парня в аптеке она находилась гораздо дольше восьми секунд. Это значит... Ничего это не значит.

У нее на руках великовозрастный братец-оболтус и работа. Мама больше нет, а отец ни разу за четырнадцать лет о них не вспомнил. На работе она устает как бобик, а денег все

равно хронически не хватает.

Участковые терапевты не задерживались в их районной поликлинике, и у Августы была двойная нагрузка. В первой половине дня она обслуживала вызовы на 3-м участке, после обеда вела прием на 2-м, и наоборот. Перед уходом на работу занималась с братом музыкой, а после работы читала статьи и учебные пособия, готовила обед и ужин. Казалось, еще немного, и она либо ноги вытянет от усталости, либо втянется. Наверное, втянулась, потому что на каникулах выпроводила Даньку к маминой сестре, тетке Наталье, на дачу и не знала, чем себя занять.

Так что не имеет значения, кто и сколько секунд на нее пялился.

И снова при воспоминании о парне губы Августы сами расползлись в улыбке.

Парень был симпатичным, можно даже сказать, очень симпатичным. Очень.

Темно-русые, густые, красиво постриженные полудлинные волосы, открытый взгляд серо-голубых глаз, темные, почти черные брови и улыбочивый рот. Интеллигент. И тяготеет к покровительству. Холерик. Туповат немного, но это даже хорошо для мужчины.

Где-то же они есть – настоящие мужчины. Почему не он?

Улыбка спорхнула с губ, Аве стало грустно. Она допускала мысль, что где-то на белом свете живет ее мужчина. Возможно, сейчас он пьет кофе или находится за рулем... нет,

не «мерседеса». Какой-нибудь скромной иномарки. Они могут встретиться с этим мужчиной, а могут и не встретиться. А могут встретиться и не узнать друг друга. А могут встретиться и не понять друг друга. Это обидней всего.

Вдруг парень из аптеки – ее мужчина?

Хрипы в легких сменил старческий букет: паркинсонизм, болезнь Альцгеймера в начальной стадии и гипертония второй степени. Ветеран-фронтовик Анисимов, идентифицировала Августа.

Белые кустики бровей делали деда похожим на Николая Рериха, только бороды не хватало. И мудрости: дед категорически возражал против старости, требовал каких-то чудодейственных процедур и лекарств.

Неожиданно от ветерана к Августе перебросился невидимый мостик, тяжесть на сердце приобрела конкретные очертания: Данька.

– Одну минуту, – предупредила медсестру Августа, вышла в коридор и устремилась в самый конец, туда, где находился туалет с дискриминирующей табличкой: «Служебный».

Когда Данька болел, когда двойки хватал или друзей сомнительных таскал в дом, беспокойство о брате застревало во внутренних органах и подтачивало Августу, как солитер.

Любашка – та заявила еще лет десять назад:

– Мужской твердой руки Даньке не хватает.

Диагноз со временем многократно подтвердился, но сего-

дня твердой руки явно не хватало не Даньке, а ей.

Сегодня она во время занятия унижала брата, получая от этого какое-то болезненное удовольствие, будто мстила всем мужчинам, начиная с отца.

Занятия классической музыкой призваны были не столько облагородить, сколько отвлечь Даньку от пагубной тяги к гитаре, компьютерным играм и улице.

То ли Августа была плохим педагогом, то ли дело было в наследственности, но пока все было наоборот: тяга к гитаре, улице и компьютеру только усилилась, а любви к высокому не наблюдалось.

Как обычно, после ссоры Ава ненавидела себя за несдержанность, стыдилась и задавала себе вопрос: что такого сложного – сдержатъ эмоцию, если знаешь механизмы возбуждения и торможения? Как ни старалась Августа воспитывать свою волю, все равно быстро теряла над собой контроль и тормозить сразу не умела.

– Мама меня никогда бы из-за этой фигни не ругала, – усугублял Данька. Упрямая макушка с вечно примятым со сна вихром и ссутулившаяся спина выражали недетское горе.

– Распрями плечи, – повышала голос Августа, чувствуя, как сердце заходится от острой жалости к сироте.

Насчет матери – это была неправда. Мать ругала Даньку и за меньшее, и даже рукоприкладствовала, но теперь это не имело значения.

... Вынув из кармана ключ, Августа вставила его в английский замок, спряталась за дверью с табличкой «Служебный», достала мобильную трубку и набрала домашний номер.

С самого начала она была против брата. Данька был позорным пятном на ее биографии. Страшно вспомнить – она стыдилась матери, пока та носила его.

Августа протестовала против его рождения, против его власти над матерью, против робких попыток понравиться сестре. Шестнадцатилетняя барышня игнорировала младенца и чем старше становилась, тем равнодушной относилась к брату.

Все изменилось, когда маму придавило лесом на складе древесины. На поминках вдруг пронзила простая мысль, что ближе Даньки у нее никого нет.

Потом началась полоса мрака. Она – интерн, зарплата – пятьдесят процентов оклада. Уговорила Ильина – завполиклиникой – устроить ее уборщицей. И тут ей досталось полставки, будто чья-то злая воля решила ополовинить все, что было предназначено Августе судьбой.

От безысходности дала объявление об услугах медсестры и бегала, ставила уколы. Мелькали чужие дома, этажи, квартиры, чужие зады. Даже курить бросила из экономии.

Так и жили: на пенсию по потере кормильца, на зарплату интерна, на полставки уборщицы и на приработок от уколов. До сих пор Августа не была уверена, что они выжили.

И сестринская любовь в несколько искаженном виде,

отравленная беспокойством и виной, пробудилась. Правда, ей было легче обидеть, чем приголубить Даньку. Будто внутри ее висел амбарный замок, запирающий нежные чувства.

– Алло? – ожила наконец трубка.

Ава вздохнула: все как всегда – оторвала Даньку от компьютера.

– Чем занимаешься?

– На улицу собираюсь, – ответил обиженный ломкий голос. Ларингит, не поддающийся излечению, на поверку оказался мутацией.

– Обедал?

– Еще нет.

– Не забудь ключ. Я сегодня поздно.

– Что я, маленький?

– Обедай давай, а то опять сломя голову унесешься и второе не съешь.

– Успею. – Данька всегда злился на ценные указания.

– Вчера и позавчера не съел. Интересно, кому я готовила?

– Да понял я, понял.

– И не злись.

Августа честно пыталась дружить с младшим братом, пыталась выстроить симбиотические отношения, при которых шансы на выживание, как известно, увеличиваются, но разница в возрасте, ответственность за Даньку и занятия музыкой были плохим фоном для симбиоза – в доме дня не проходило без стычки.

Втайне Августа лелеяла мечту воспитать Даниила идеальным мужчиной. Таким, какого не встретила она сама: с крепким здоровьем, легким на подъем и с чувством юмора, мужественным, нежным, чутким, умным, заботливым. Что еще?

Хозяйственным, само собой, умеющим готовить, любителем сюрпризов и розыгрышей. И знаменитым.

Пока не удалось реализовать ни один из пунктов, кроме последнего. Данька рос угрюмым и раздражительным, из ванной его было не выкурить, убирал за собой через пень-колоду, готовить обалдуй не умел, а если брался, устраивал пепелище. Мнение о сюрпризах у них тоже не совпадало. Данька, например, лучшим из розыгрышей считалдохлую мышь в тапке. В ход также шли лягушки, пауки, жуки, гусеницы, ночные бабочки (ночные бабочки особенно), богомолы – мужественно вынесшая практику в морге, Августа до дрожи, до обморока боялась насекомых.

С музыкой тоже пока не получалось. Брат подбирал мелодии на слух, но к музыкальной грамоте испытывал стойкое отвращение и, проведя час за пианино, причислял себя к лику святых – тут, как ни в чем другом, сказывалось кровное родство: проведя час с Данькой и инструментом, Ава тоже считала себя страстотерпицей.

Зато во дворе за Данькой закрепились слава сорвиголовы и безотцовщины. И эта сомнительная слава стремительно росла. Недели не проходило, чтобы к ним домой не ломились родители пострадавшего в драке отпрыска. Особенно

свирепствовали мамыши.

– Сейчас же извинись, – шипела Августа, выталкивая брата вперед.

– А пусть не лезет, – защищался Данька, – нечего было обзываться.

После этих слов мамыши грозили милицией, и Данька, язва, не упускал случая напомнить, что такого ведомства уже нет.

С папашами было проще.

Папаша, увидев Августу, обычно утрачивали воинственность, складывали лапки, забывали, зачем пришли, спроваживали чадо домой, а сами начинали кадрить опекуншу. Зря старались, иудушки. Августу видела их насквозь.

Жизнь – дерьмо.

Каникулы уже начались, а Авка так гитару и не купила. И еще измывается: «Крис Ри свою первую гитару купил в 21 год».

Опять упражнений назадала вагон и маленькую тележку, нашла дурака летом горбатиться за фоно, чтоб его термиты сточили, уродского уroda.

Скоро Петька и близнецы Левчик с Санькой разъедутся, его самого Авка засунет в какой-нибудь лагерь отдыха, и все... И все – лето кончится! И что он вспомнит? «А кто у нас умный...»? Фу-у.

Нет, надо что-то делать, как-то сопротивляться обстоя-

тельствам.

Как? Как?!

Диски с фильмами и мультиками уже надоели, как жвачка. Бродилки, квесты и космогерои тоже обрыдли.

Что бы такое придумать?

Хотелось чего-нибудь свеженького, настоящего, живого, креативного.

Как вариант, можно водяные бомбы на прохожих метать.

Делать бомбы-оригами Даньку научил дядя Сережа – вот кто настоящий мужик. Авка нос воротит, а зря. Такие мужики на дороге не валяются. И фура у него – зашибись.

Данька сыпанул в рот горсть чипсов и побрел в спальню.

В шкафу под барахлом у него была курковка: перочинный ножик в чехле с цепочкой, найденный в мешке со строительным мусором возле баков, увеличительное стекло и несколько коробочек с засушенными жуками – для поднятия настроения. Когда Авка начинает пилить, очень помогает любой представитель класса насекомых. Сеструха боится даже божьих коровок – глупая баба.

Данька достал со шкафа припрятанную от него бумагу формата А4, расчертил и сложил сначала треугольником.

Через двадцать минут он уже обладал арсеналом.

Первая бомба получилась немного кривобокой, вторая – лучше, а остальные восемь вышли образцовыми, как на рисунке в сборнике «Техника складывания фигурок» – подарок дяди Сережи. Даже жалко было сбрасывать.

Но Данька мужественно поборол в себе эту слабость, набрал в кружку Эсмарха воды и выдвинулся на балкон.

Ленивая летняя жизнь текла за окнами, жара набирала градус, какие-то зазевавшиеся прохожие редкими группами тащились мимо дома.

Повесив кружку Эсмарха на гвоздь, Данька повернул кран, наполнил бомбу водой и вообразил себя снайпером в засаде на духов – как дядя Сережа.

Снайперу нипочем жара, холод и дождь со снегом.

Первое правило снайпера – не смотреть в лицо жертве, выбрать какую-то деталь в одежде.

Внизу, увешанная пакетами, тащилась тетка в соломенной шляпе. Шляпа смахивала на вьетнамскую – по ходу, тетка собралась на уборку риса.

Шляпа как деталь подходила идеально. Данька собрался.

Первая бомба легла точно в цель – первый дух.

Вторую бомбу Данька расстрелял напрасно – она угодила под ноги рыжей девчонке – та куда-то неслась.

Данька решил потренироваться в стрельбе по быстро движущимся мишеням.

Пришлось набраться терпения, зато оно принесло плоды. Следующий удар был нанесен точно в цель: в плечо дядьке, выскочившему из машины и трусцой направляющемуся к киоску с сигаретами.

Данька успел присесть за балконный парапет, а то бы мат, которым разразился дядька, убил наповал.

Потом была еще парочка холостых выстрелов.

Последней жертвой пала загорелая сексапильная лялька в топе и короткой юбке, больше похожей на шорты. Ноги у ляльки росли из-под лопаток, а полушария груди заворачивающе покачивались на ходу, так что Данька разинул рот и чуть не пропустил момент броска.

Повезло – бомба эффектно прошла по касательной, облив содержимым всю девушку.

Пока та визжала, плевалась и грозила кулаком в неизвестность, Данька, сидя на полу под прикрытием парашюта, хрустел чипсами и похрюкивал от счастья.

Теперь жизнь не казалась такой унылой, и можно было даже сделать Авке одолжение, сбавить какую-нибудь шлягу, типа «Птичка над моим окошком».

Черт, почему она такая жалостливая, эта «Птичка»?

Тоня-Таня оказалась не только отзывчивой, но еще и прилипчивой. Видимо, эти два качества находились в странной зависимости. Одно являлось верным спутником другого, как кварц и серебро, как Луна и Земля.

Увидев девушку под своей дверью, Матвей заподозрил, что никакая она не нудистка, а эпатирующий загар девицей приобретен в заштатном вертикальном солярии случайной ступидии загара.

Поколебавшись, Матвей впустил гостью. Топ на ней почему-то оказался мокрым и от этого почти прозрачным.

– Там что, дождь? – удивился Мотя.

– Да какой к черту дождь, – Тоня-Таня кипела праведным гневом, – в меня с балкона какой-то паршивец метнул водяную бомбу. Уроды, а не дети. Я тут захватила кое-что, – резко сменила она тему.

Девушка внедрилась на обнесенную холостяцкими флажками территорию и прошмыгнула на кухню. Или она уже считает квартиру своей?

Пока Тоня-Таня разгружала пакет, Матвей подпирал дверной косяк на кухне, обследовал сантиметр за сантиметром ровную изящную спину, то, что пониже спины, и длинные ноги. В результате обследования выяснилось, что под коротким топом у Тони-Тани ничего нет, а под юбкой стрейч, открывающей пупок с пирсингом, угадывались стринги – Тоня-Таня находилась в состоянии готовности номер один. За готовностью номер один обычно следует команда «пуск».

Вот тут-то Матвея и ждал сюрприз: желание отдать команду «пуск» отсутствовало. Вместо него присутствовала сонливость. Может, не стоило пить эти желтенькие таблетки? Как их там? Какой-то бромид...

Матвей перевел потухший взгляд на стол, на котором появились одна за другой две бутылки пива, хлеб, пакетики с вялеными кальмарами, яйца, колбаса и помидоры – прямо-таки набор молодой жены.

– Ты глазную или омлет любишь? – мельтешила нуди-

сточка, шаря по полкам в поисках посуды.

– Фиолетово, – буркнул Матюша.

Все было плохо, хуже, чем он думал. Натюрморт возбуждал гораздо сильнее Тони-Тани.

Всем своим видом, манерой говорить и двигаться, шмыгать носом и заглядывать во все углы в чужой квартире Тоня-Таня вызывала протест на клеточном уровне. Не успеешь глазом моргнуть, как эта пронырливая особа обоснуется на вверенной ему жилплощади.

– Вот печалька! Слушай, я соль не подумала купить, – покаялась гостья, – а у тебя нет. Придется просить у соседей.

– Я не пойду, – тут же отгородился от бытовых трудностей Матвей. Только этого не хватало – начать побираться по соседям. Сначала ты у них соль, потом они у тебя сигареты, затем последует обмен дисками и книжками, не успеешь оглянуться, как вы по-семейному проводите все вечера за картами или перед телевизором. Нет уж, он сыт по горло артелью.

– Не грузись, я все сделаю. – Нудисточка была воплощенная покладистость.

Матвей фыркнул и волевым усилием удержал готовые сорваться с языка обидные слова.

– Не нужно ничего ни у кого просить, – просипел он, – в солонке есть – хватит.

Захватчица не обиделась – видимо, она вообще не умела обижаться, и Матвей потерял надежду от нее избавиться. Отсутствие хоть какой-нибудь гордости делало ее практиче-

ски неуживимой, а материнский инстинкт – всесильной.

После яичницы он, как честный человек, должен будет на Тоне-Тане жениться.

Все-таки придется поговорить с девушкой, как-то все деликатно объяснить и проститься, с глухой тоской подумал Мотя.

– Матюша, – щебетала нудисточка, – ты иди полежи, телек посмотри. Я все сделаю и позову тебя. Нечего мужчине делать на кухне.

Цветок-убийца. Венерина мухоловка. Росянка. Манящий запах вводит жертву в заблуждение, дурмящие вещества подавляют мозговую активность: секунда – и усыпленная жертва скользит по гладкой восковой поверхности в смертельную ловушку. Цветок ее утилизирует и выплюнет шкурку. Или даже шкурку не выплюнет – утилизирует без остатка.

Скрипнув зубами, Мотя поплелся в комнату и включил телевизор.

От телевизора Степура тоже отвык.

Это выяснилось, как только он напоролся на зубодробильную голливудскую комедию. Тупые реплики, прямолинейный юмор в духе сэра Чарли Чаплина добились Матвея окончательно.

В душном воздухе висела гроза, хотелось есть и спать.

Осоловевший, Мотя пощелкал пультом, выключил телевизор и вернулся на кухню.

Тони-Тани у плиты не оказалось. Миска со взбитыми яй-

цами свидетельствовала о том, что далеко Тоня-Таня уйти не могла.

Матвей с осторожным любопытством сунулся в ванную, потом в туалет – оба заведения были свободны. Неужели гостя покинула негостеприимную квартиру?

Не успел Матвей возликовать, как нудисточка нарисовалась в прихожей. Вид у нее был слегка потрепанный.

– Я же просил тебя... – начал Матвей.

Недовольная физиономия хозяина не произвела никакого впечатления на Тоню-Таню.

– Ну и соседка у тебя, – пожаловалась она, едва войдя, – настоящая стерва. Так на меня зыркнула, будто я денег одолжить пришла. Сказала, что у нее соли нет, – прикинь? Ну и люди. Может, у вас что-то с ней было? – В глазах нудисточки появился интерес.

Под этим заинтересованным взглядом в черепной коробке у Моти произошло легкое сотрясение: если он отлично слышит все, что делается у соседей, то и они тоже слышат все, что делается у него... Ё-мое!

Буквально в то же мгновение Матвей почувствовал дискомфорт в районе пупка, который стремительно превратился в острую боль – не иначе, кара небесная.

– Какого черта, я же просил не соваться к соседям! – Он согнулся пополам и поплелся на диван.

Стремительно налетев, боль так же стремительно отпустила, будто зверь, который впился в живот, разжал челюсти.

Виски покрылись испариной – что за черт?

– Хорошо, сядем на бессолевую диету, – донеслось до Матвея.

– Слушай, шла бы ты домой, – проворчал интеллигент во втором поколении, филантроп и гуманист Матвей Степура.

Невпечатлительная Тоня-Таня захлопала ресницами:

– Можно я сначала поем?

Матвей почувствовал себя ничтожеством.

Боль окончательно исчезла, оставив ближайших заместителей: слабость и страх.

Омлет с колбасой поглощал вяло, пропуская мимо сознания ворчание нудистки:

– Почти ровесница, а корчит из себя мамочку. Уставилась на меня, как на вошь.

– Кто вошь?

– Я вошь. То есть у нее на фейсе было написано.

Не так уж не права соседка, сердито подумал Матвей, прислушиваясь к себе. Силы возвращались, интерес к жизни тоже.

А может, повторить с Тоней или Таней? Если уж она здесь?

Глаза задержались на ясно обозначенной под топом груди. Не торкало. А если закрыть глаза и попробовать на ощупь?

Матвей осуществил задуманное и испытал огромное облегчение, ощутив нужную реакцию внизу живота. Все-таки с тайгой пора завязывать.

Белье пересохло и взывало к совести. Августа включила утюг.

Итак: сосед водит шлюх – вот откуда эти ненатуральные стоны.

Халат нужно выгладить кровь из носу. Вчера опрокинула на себя йод в лаборатории. Теперь хорошо бы в стационаре попросить у девчонок сулемы, чтобы свести пятно. Халаты дорогие стали, застрелиться можно. Вообще, все дорожает и дорожает.

Что-то у соседей давно тихо, последние полсуток только слышен Rammstein, боевики и вестерны (с точки зрения Августы, сосед был примитивен во всем)

От децибелов воздух вибрирует. Глухота дураку гарантирована. И импотенция.

Августа не заметила, как загладила складку на халате. Сбрызнула заутюженное место водой из распылителя, повредила утюгом – порядок.

Руки монотонно двигались, голова постепенно переключилась на вчерашний день, вспоминала эпизод за эпизодом, как слайд-шоу.

Эта нахалка из 22-й квартиры явилась за солью – верх цинизма. Ни стыда ни совести. Хотя откуда у таких совесть и стыд? Бабочка-однодневка. Такие живут инстинктами. Быстро спарились, быстро разбежались. И выглядит соответственно. Злоупотребляет всем, чем можно злоупотреб-

лять: косметикой, сигаретами, спиртным и сексом – лицо порочное, взгляд циничный, улыбка блудливая – без необходимости, в силу привычки.

Тяжелый рок сотрясал стены, ударные били прицельно в мозг.

Хотелось взять топор, выйти в подъезд и садануть по электрощиту, устроить замыкание. Но тогда сосед, не признающий никаких других развлечений, переключится с тяжелого рока на тяжелый секс, и Августа выбрала рок.

Место халата на гладильной доске заняла футболка брата. Размером уже догнал ее, сорванец.

Как раз в этот момент за стеной наступило затишье, и не успела Августа обрадоваться, как заскрипело ложе любви. Августа только мрачно ухмыльнулась от того, насколько точно уже изучила повадки примитивного самца.

Через пять минут затылок Августы взмок, кровь прилила к малому тазу.

Нет, это невозможно. Что такое нужно делать с женщиной, чтобы она так стонала?

Как остановить этих рабов собственных инстинктов? Снова позвонить в дверь или постучать по трубе? Или бросить камень в открытую балконную дверь? А если бы Данька был дома? Ужас!

Августа щелкнула пультом, нашла на каком-то канале боевик, усилила звук и тут же принялась прислушиваться к тому, что делалось за стеной.

За стеной царило безумство плоти, экстаз, разгул.

Бросив утюг, Августа понеслась на кухню, трясущимися руками распахнула шкафчик с аптечкой, сунула в рот таблетку бромида и проглотила не запивая.

Эти двое доведут ее до нервного срыва. Уже довели.

Тут в Августе заговорил скептик: дорогая, отчего ты больше злишься – от оскорбленной нравственности или от неудовлетворенности и зависти? Страдать от всего сразу в двадцать девять лет невозможно. Определись, наконец.

Уж поверь, будь у тебя мужчина, вы с ним шокировали бы соседей не меньше, чем парочка за стеной. После стольких лет воздержания ты вела бы себя ничуть не скромнее.

Августа потянула носом. Утюг! Елки зеленые! Данька остался без любимой футболки, теперь придется покупать новую. Сколько это стоит теперь?

Августа сбегала за солью и газетой. Пока возила днищем утюга по кучке соли, постепенно вбирающей в себя нагар, мыслями снова завладели мужчины.

На прием приходят всякие-разные, но Августа не представляла, как можно влюбиться в пациента с белком в моче или с гельминтозом, с низким гемоглобином или повышенным холестерином, с сердечной недостаточностью, язвой, увеличенными гландами или острым панкреатитом. Интерес к мужчине полностью подменял интерес к его анализам.

Вне зависимости от возраста это были больные дети, нуж-

дающиеся в заботе и опеке. Влюбиться в ребенка – это сексуальная патология, но другие мужчины на прием не приходили. Даже у Ильина, завполиклиникой, единственного в коллективе мужчины (старичок-отоларинголог не в счет), была язва – об этом знал весь персонал.

Ко всему внутренний голос предостерегал, что можно оказаться опекуной при таком неподобающем до конца дней. Августа была готова лечить все человечество, но только не мужчину, с которым предстояло лечь в постель. Мужчина ее мечты был здоров как бык и пятаки мог ломать.

Когда у нее появились подобные воззрения, Августа и сама не заметила. Наверное, в прозекторской, куда их отправили на первом курсе и где в синем свете кварцевых ламп лежало тело совсем молодого мужчины, умершего от инфаркта.

Августа встrepенулась, бросила быстрый взгляд на часы – следовало поторопиться, чтобы не опоздать. Как все-таки хорошо летом – эпидемий нет, вызовов немного.

Выключила телевизор и прислушалась. За стенкой стояла непривычная, почти противоестественная тишина. Язвительно подумала: что-то сегодня парочка подозрительно быстро управилась с оргазмом.

Секс получился вялый, без огонька, Матвей был явно не в форме.

– Все отлично, тебе просто поспать надо, – заверила нуди-

сточка. Она приложила некоторую фантазию, чтобы взбудорить полуживого партнера.

Нимфоманка чертова, беззлобно думал Мотя – мысли тоже были вялыми, как детородный орган, сил шевелиться не было.

– Я позвоню, – промычал он, когда Тоня или Таня отвалилась сытой пиявкой.

– Ага, – согласилась пиявка. Она вообще со всем соглашалась, что вызывало подозрение.

Проводив незваную гостью, Матвей достал из упаковки пузырек с таблетками для нервов и перечитал инструкцию.

Инструкция вселяла оптимизм: «Показания к применению: повышенная раздражительность, бессонница, гипертоническая болезнь. Способ применения: взрослым 3–4 таблетки в день... Противопоказания: депрессия (еще чего), гипотензия (фиг знает, что это такое, но у него точно этого нет), анемия (что-то знакомое, но тоже фиг поймешь), дыхательная недостаточность (не дождутся), выраженный атеросклероз (тьфу-тьфу-тьфу)».

Убедившись, что таблетки ему не противопоказаны, Матвей принял еще одну.

* * *

... Из сна Мотю вырвала все та же неуверенная рука, терзающая клавиатуру, и все тот же гнусный, рвущий душу го-

лос павлина. Голос отсчитывал музыкальный ритм, выделяя сильную долю.

На часах еще не было восьми.

Чертыхаясь, Матвей потащился на кухню, хлопнул таблетку брома, вернулся в постель и стал вынашивать планы мести.

Задавить фортепьяно легко можно хард-роком или металлом, но подскакивать в восемь утра с постели, находясь в отпуске, – этого они не дождутся, и Матвей дал себе слово не вставать.

Слово Матвей сдержал: время от времени накрывая голову подушкой, прослушал почти весь репертуар первой части «Школы игры на фортепьяно».

Под занавес соседи исполнили (довольно чисто, не вызвав внутреннего содрогания) «А кто у нас ум-ный, кто у нас разум-ный? Ваня у нас умный, он у нас разумный...». Видимо, любимое произведение.

Когда же за стеной установилась тишина, незамысловатый стишок засел в черепной коробке и крутился еще несколько минут: «А кто у нас ум-ный, кто у нас разум-ный...» – верный признак идиотизма. Чтоб тебя!

Затем мысль стала отклоняться от гениальных строчек, вилять, и Матвей снова заснул. И проспал бы весь день, если бы не нагрязнула мать, вернувшаяся из Турции.

... Лидия Родионовна расцеловала чадо, пустила слезу радости и скрылась на кухне, откуда почти сразу понеслись звон посуды и головокружительные мясные запахи.

Матвей любил матушку, единственное, что не выносил, — ее навязчивое желание женить сына на очередном синем чулке.

Желание завладело матерью, еще когда Матюша поступил на первый курс университета. Мотивация у желания была странной.

— Женишься — станешь серьезным человеком, — с фанатичной верой в глазах твердила мать.

Матвей знал с десятков женатых ровесников, у которых в голове гулял ветер и которых жены — такие же безголовые, как и их мужья, — пытались воспитывать на свой лад. К концу второго семестра процент разводов в таких семьях приблизился к ста. Сын пытался возражать и приводил статистику, но мать в цифры не верила, она верила в исключительность сына и еще в мудрость соседа по даче Григория Ивановича Саморукова — ветеринара на пенсии.

Озабоченная холостяцкой жизнью сына, Лидия Родионовна советовалась с соседом, как с самым близким человеком. Кровная родственница — сестра — была далеко и не отличалась умом. А Григорий Иванович всегда так мог объяс-

нить и посоветовать, что Лидия Родионовна сразу понимала: все будет хорошо, главное – не сдаваться.

Уже одно то, что Григорий Иванович принял горячее участие в судьбе единственного сына, говорило в пользу соседа. Волею случая Григорий Иванович поставлял Матюше невест. Внучатая племянница Люся и дочь покойной супруги от первого брака Азалия – это были протезы Григория Ивановича.

Поводом к этому стала измена Жучки (вечной спутницы Григория Ивановича, пегой кривоногой и злобной псины, отдаленно смахивающей на таксу) лысоватому кобельку по кличке Зяма с залетным кобелем.

Залетный был другой весовой категории, на корпус выше, и в процессе все время ронял Жучку, а она валялась между лапами у избранника и не выказывала неудовольствия – совсем наоборот, была на все согласная.

Стоя в сторонке, Зяма заходиллся беспомощным лаем.

Глядя на это безобразие, Лидия Родионовна в сердцах обозвала Жучку проституткой и плюнула, на что Григорий Иванович мудро заметил:

– Жучка только выбирает сильные гены – таким образом она участвует в эволюции. Точно так же ведут себя женщины и мужчины. Инстинкт.

Под впечатлением от этих слов Лидия Родионовна доверилась старичку полностью.

В своих рекомендациях Григорий Иванович опирался на

науку об инстинктах – этологию:

– У мужчины при виде красивой женщины в три раза увеличивается этот... – старичок с задумчивым видом поскреб бровь, – зрачок. Если при виде девушки расширяется зрачок – ее нельзя брать в жены, потому что это будет один геморрой: такая девушка привлечет и других самцов. На какую девушку зрачок не реагирует – ту смело можно брать в жены. Вот так мы и вычислим будущую жену вашему Матвейке.

– По вашим зрачкам? – неумело маскируя ревность под удивление, спросила Лидия.

Видимо, отставной ветеринар Саморуков особой чуткостью не отличался:

– Нет, зачем? По зрачкам Матвея. Вы будете наблюдать, как он реагирует на девушку, и увидите.

Результаты наблюдений ввергли Лидию Родионовну в крайнее сомнение: зрачки Матвея при виде Люси сузились, а при взгляде на Азалию вообще закатились. По теории, апологетом которой был Григорий Иванович, получалось, что из обеих девушек могли получиться отличные жены.

Вот только Матвей об этом слышать ничего не желал.

Стычки сына с матерью носили мирный характер, пока мать не притаскивала в дом очередную синечулковую девицу.

От девицы обычно за версту несло венцом безбрачия, на что указывал матери Матвей по окончании визита.

– А какая тебе нужна? – горячилась матушка. – Красави-

ца? Так на красавицу все будут пялиться. Оторва и шалава? Чтоб задом крутила? Так она ж не только у тебя под носом задом крутить станет, сынок, а при любом удобном случае. А французы говорят: хочешь спокойной жизни – женись на некрасивой.

– Какая же это спокойная жизнь, если муж все время левачит? Так инфаркты мужчины и получают – от переживаний. Ну-ка, поживи с мыслью, как бы не засветиться, не погореть и не проколоться. Отсюда и ранняя смертность среди мужчин, – с серьезным видом страшал матушку Матюша, разбивая наголову Григория Ивановича с его стройной прикладной теорией.

– Свят-свят-свят, – пугалась Лидия Родионовна, но попытки подыскать себе невестку понеказистей не оставляла.

... С трудом разлепив глаза, Матвей принял душ и побрел на кухню. Внутренний голос шептал, что семь месяцев матушка провела в поисках невесты и сейчас начнется артобстрел.

Предчувствие его не обмануло.

Поставив под нос Матюше тарелку с двумя румяными толстобокими котлетами и пюре – желтым, как на картинке в поваренной книге, – мать налила сока в высокий прозрачный стакан для коктейлей, поставила локти на стол и с умильным выражением понаблюдала, как сын все это наворачивает.

– Господи, худющий-то какой, – вздохнула она и смахнула наворачнувшуюся литровую слезу.

– Нормальный, – прогудел Матвей. Рядом с матерью Мотя вопреки здравому смыслу всегда чувствовал себя ребенком.

Вопрос с невестой мать начала вентилировать после первой порции котлет, причем подобралась к запретной теме, используя обходной маневр:

– Сынок, до какого у тебя отпуск?

– Пять месяцев, – интенсивно работая челюстями, отозвался Матвей, – как обычно.

– Ты деньги-то не транжирь, а то не хватит на пять-то месяцев, – для порядка сварливо напомнила мать. Тема денег была тоже взята на контроль еще в студенчестве, когда Матвей стал бегать на подработки.

– Мам, я хочу купить кабриолет.

– Кабриолет? – Перед мысленным взором Лидии Родионовны возник двухколесный конный экипаж. – Это еще зачем?

– Круто же.

– Да уж. Круче некуда.

– Это машина такая, – поспешил успокоить матушку Мотя, – с откидным верхом. Ну, как в кино.

– Как в кино? – внезапно рассердилась матушка. – Это же какие деньги-то! Или ты собрался всю жизнь на заработки мотаться? Сейчас начнутся дружки-приятели, девки-прилипалы, не успеешь оглянуться, а денег-то и нет! Уже, поди, половина осталась?

– Да я всего несколько дней как дома, – возмутился сын, –

ничего еще не потратил.

– Ешь, ешь, сынок. Вот и хорошо, и не трать. Может, на свадьбу понадобятся, – плавно съехала на излюбленную тему мать.

Котлеты, пюре, отвлекающий маневр – удар! – Матвей зазевался и пропустил первый бросок по воротам.

– На чью свадьбу? На твою? – не сразу нашелся он.

– Поговори у меня. – Мать притворно замахнулась полотенцем. Она любила, когда сын заговаривал о ней как о потенциальной невесте. – Мне уже пора внуков нянчить.

– Ма, – промычал с полным ртом Матвей, – а хочешь, привезу тебе в невестки смышленную нанайскую девушку?

– Тьфу на тебя. Вот соседка твоя новая, Ава, – чудо какая девочка. И серьезная.

Матвей едва не подавился:

– Как-как? Ава?

– Ну и что? Ава, – оправдывалась мать. – Что такого? Не Даздраперма же и не Сталина.

Матвей фыркнул:

– И на том спасибо. По-моему, у нее ребенок есть.

– Нет, это они с братом живут. Сироты, – потупив взгляд, проинформировала мать, – я немного соседей поспрашивала. Сама пацана тянет. Очень хорошая, серьезная девочка.

Лидия Родионовна еще что-то говорила, а Матвей явно слышал командирский голос, с четкостью метронома отсчитывающий ритм: «И-и – раз, и-и...»

– Хорошая, значит, серьезная девочка, – злобно фыркнул он.

Теперь уже Мотя не сомневался: серьезная хорошая девочка – уродина. Мамин выбор другим быть не может.

– Да, – обрадовалась мать, будто Мотя дал согласие на сватовство, – вот и познакомился бы по-соседски. Попросил бы спичек или соли, а еще лучше – за свечкой, если свет отключат, а там, глядишь, разговор бы завязался. Дело-то молодое.

– Мам! Какие свечки? – простонал Мотя. После нескольких бурных ночей к соседке только за свечками соваться. Матвей даже представлять не хотел, какого мнения о нем эта серьезная и страшенькая Ава.

Неожиданно мысль совершила поворот на сто восемьдесят градусов: а если все наоборот? Может, его акции в глазах соседки подскочили после ночных бдений?

Может, бедная дурнушка уже в него по уши втрескалась, а увидит, и будет бегать как собачонка?

В чужом затхлом коридоре стояла непередаваемая смесь запахов: псины, непрветриваемого помещения и квашеной капусты, а из туалета явственно тянуло мочой. Раньше подобное амбре опрокинуло бы Августу в нокаут, а теперь хоть бы хны. За два года работы даже обоняние притупилось. Да что там обоняние – зрение стало хуже: природа позаботилась и об этом.

– Спасибо, дочка, – в руку Августе ткнулась сухая стару-

шечья лапка, – возьми вот.

– Спасибо, – быстро сунула купюру в карман Августа. Больные оценивали ее работу по собственной шкале ценностей.

Не так много старушке нужно для счастья. Ну, выписала она Клавдии Степановне льготные препараты на два месяца вперед, чтобы та не таскалась в поликлинику лишний раз и не вызывала участкового – давление-то у старушки никуда не денется. Давление исчезнет только вместе с Клавдией Степановной.

Купюру Августа вынула из кармана уже на улице – пятьсот рублей.

На пятьсот рублей можно купить... не много можно купить, но тоже деньги. «Конфет Даньке куплю – он любит», – с материнской нежностью вспомнила о брате Августе.

Материнская нежность быстро сменилась детской мстительностью: если подрался с кем-нибудь, конфет не получит. И если снова с балкона водяные бомбы метал – тоже не получит. И если посуду не вымыл – тоже. Выходило, что на конфеты вовсе не стоит тратить, потому что подраться Данька, может, и не подрался и даже бомбы, возможно, не метал, а вот посуду не вымыл – это к бабке не ходи.

С этими мыслями Августа заскочила в магазин и купила полкилограмма докторской колбасы – дешево и сердито. Белок растущему организму полезней, чем углеводы. Хотя... Тут на Августу нахлынуло раскаяние, твердыня поколеба-

лась, и уже перед кассой она сунула в корзинку пакетик карамели.

Когда Августа вышла из магазина, на улице заметно стемнело, и ей нестерпимо захотелось одного – добраться до дому, проглотить на скорую руку бутерброд, устроиться на постели и посмотреть какой-нибудь душевный кинчик.

Тут она вспомнила, как развлекаются соседи, и приуныла. Определенно, с этим надо что-то делать. Может, в полицию заявление написать? Прекрасная идея. Вопрос только в том, что писать в заявлении? Что соседи всю ночь трахаются как кролики, мешают спать? Участковый скажет – частная территория, имеют полное право, не на улице же соседи этим занимаются, а у себя дома. Как будто это главное. А если все слышно так, что и видеть не обязательно? Почти что секс по телефону. Это в расчет полиция принимает?

Или надо подать в суд на строителей? Если судья женщина, дело можно выиграть, а если мужчина – индейское жилище «фигвам».

Надо что-то придумать неординарное. Подмешать в соль стрихнина и отнести в подарок? Нет, гуманнее смешать соль со слабительным и успокоительным. А может, обратиться к знакомым хирургам с просьбой кастрировать соседа?

Фантазируя подобным образом, Августа вошла в подъезд и загрузилась в лифт.

Пока лифт поднимался, воображение нарисовало садистскую картинку: соседа – верзилу-олигофрена в ковбойке и

шляпе шерифа – похищают и усыпляют люди в масках (медицинских, разумеется, а не в «балаклавах»), сунув под нос тряпку с хлороформом – как в детективах. Августа кроваж­жно хмыкнула.

На пятом этаже лифт дернулся, Августа из­готовилась вый­ти, двери, лязгая и скрежеща, как крепостные врата, с натугой разъехались.

В этот самый момент навстречу Августе из порноквартиры номер 22 выкатился парень... тот самый – из аптеки...

Едва взглянув на нее, парень шарахнулся, как от привидения, и потерял тапку. Прыгая на одной ноге, подцепил тапку ногой, перестал метаться и замер, как удав, вперив в Августу немигающие глаза.

В голове Августы начался переполох, мысли завертелись, как в центрифуге. Половой гигант, отличник секс-услуг, любитель дури, ковбой-олигофрен – это и есть парень из аптеки? Парень, о котором она несколько дней думала, что он мог быть ее парнем? О котором она думала, что он склонен к опекунству?

Августа почувствовала себя обманутой. Так жестоко она еще не разочаровывалась в людях.

Как только этот отвратительный тип мог ей понравиться?

Взбунтовавшаяся копна нечесаных волос, мятые шорты, припухшая со сна физиономия – как пить дать весь день спал, ночной мотылек.

Августа задержала взгляд на ногах, покрытых темным пу-

хом и обутых в домашние клетчатые тапки без задников, подняла глаза на футболку.

Футболка оказалась не просто так, а с вывертом: всю грудь занимал достаточно натуралистично выполненный виниловый фаллос с романтическими крылышками – ну, естественно, что еще может напаять на себя это одноклеточное, идущее на поводу у инстинктов?

Интуиция говорила, что в скором времени этот идиот будет выскакивать нагишом на лестницу. Спасай потом его еще и от передоза. Ну почему, почему им с Данькой так не повезло с соседом?

Ну, поселился бы в их блочке с вонючим подъездом, изгаженным лифтом и отсутствующей звукоизоляцией авиаконструктор. Или модельер. Или, на худой конец, какой-нибудь генерал или бизнесмен.

– Здрассте, – отвратительный тип вышел из столбняка, – а вы приехали или уезжаете?

Тут до Августы дошло, что она все еще стоит в лифте и пялится на соседа.

– Приехала. – Она с независимым видом шагнула на площадку, обойдя парня, направилась к своей двери. Рука на автопилоте нырнула в боковой кармашек сумки и загремела ключами.

– Вы здесь живете? – Вопрос выстрелил в спину.

Сведя лопатки, Августа воровато оглянулась.

Одноклеточный выглядел потрясенным. Потрясение

плавно сменилось растерянностью, растерянность – смущением. Парад эмоций не укрылся от внимательных глаз Августы. Внутренний голос шепнул: «Держись от него подальше», и Августа выдоила из себя:

– Э-э-э... Н-нет, я здесь не живу.

И поняла, что сваяла дурака.

Если Даньки нет, как она попадет домой? А если Данька дома, то моментально с порога забрасает вопросами: «Почему звонишь?», «А где ключи?», а то и вовсе брякнет: «Наша мама пришла, молока принесла» (иногда, войдя в раж, братец любил так приколоться на людях), и тогда будет вообще не разгрестись.

– А-а, – с видимым облегчением протянул сосед, – так вы в гости?

– Нет. Да. У меня здесь родственники живут, – не покривила душой Августа.

– Я вот тоже... это самое... приходил в гости... к другу, – пускал радостные пузыри озабоченный идиот.

В Августе проснулся скептик: «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Она еще раз выразительно посмотрела на клетчатые тапки.

И все-таки: эта темная личность – сосед или друг соседа?

Перехватив полный невысказанного сомнения взгляд, темная личность пустилась в туманные объяснения:

– Мне только до машины. Не переносу сланцы. Аллергия.

Августа уже потеряла интерес и к тапочкам, и к озабоченному идиоту: ее опасения стали сбываться – за родной дверью явственно слышались шорохи и возня.

– Я Матвей, – не мог угомониться отвратительный тип, – а вас как зовут?

Одна ложь тут же потянула за собой другую:

– Люба.

– Телефончик не дадите? – пошел вразнос Матвей.

Справедливости ради, Августа вынуждена была признать, что на нарка тип не был похож. На долю секунды она даже пожалела об этом, но уже в следующее мгновение профессионал взял верх над оскорбленной женщиной. Расширенные зрачки могут быть результатом волнения или плохого освещения. Да, скорее всего. Речь, движения и реакции у соседа не были заторможенными или лихорадочно-суетливыми – наоборот, они были более чем здоровыми. Более чем... Учитывая этот румянец. И похотливый взгляд. И радостный оскал.

Оба продолжали стоять, уставившись друг на друга: Матвей – на ключи в тонкой руке, Августа – на домашние клетчатые тапки.

Молчание становилось неприличным, Августа лихорадочно искала слова.

– Послушайте! – Смуглое ангельское личико покрылось нежным румянцем. – Этот ваш друг мешает жить соседям. Поговорите с ним, объясните, что нужно хоть немного счи-

таться с окружающими, нельзя же быть таким... примитивным, таким... примитивным животным.

– Да? – промямлил Мотя. – Он это может, он такой.

– Ну, так поговорите с ним!

– Да хоть сейчас!

Скроив зверскую рожу, Матвей вдавил кнопку звонка.

Электронный звук бумерангом облетел пустую квартиру, вернулся назад и приземлился у порога.

– Надо же, – лоб Матвея собрался морщинками, – только что был дома. Вот только что.

Он снова нажал на звонок. С осуждением прослушал очередную трель и выдавил:

– Наверное, в душе. Но вы не волнуйтесь, я все равно его достану, обещаю. Он от меня никуда не денется, вот увидите, я из него эту дурь выбью. Я ему покажу.

– Очень хочется верить.

– Неужели так мешает? – Лицо Матвея выражало неподдельное участие.

– Представьте – да. Пожилая женщина с гипертонией не может спать из-за этого морального уродца, – с видимым удовольствием произнесла Августа, – давление сбить невозможно. Однажды дело закончится гипертоническим кризом, и ваш друг станет убийцей. Косвенным.

Такая преданность гипертонической родственнице Матвею показалась странной, если не подозрительной. Такая преданность не может быть естественной, такая преданность

попахивает корыстью, замешанной на наследстве.

– Убийцей? – немного рассеянно поинтересовался он. – Я всегда знал, что мой приятель этим закончит. Ну ничего, я ему задам. Он у меня увидит небо в алмазах. Я ему такое устрою... Я ему рожу набыю, если не послушается.

– Вот только без рукоприкладства, если можно, – поморщился ангел. На то он и ангел.

Узел затягивался, развязать его мог только его величество Случай.

Случай не замедлил явиться: дверь квартиры номер 21 приоткрылась, из-за нее на площадку выглянул любопытный глаз.

– А ты чё тут?... – начал братец, но Августа, всеми силами стремясь избежать разоблачения, толкнула дверь и беспардонно впихнула Даньку в глубь квартиры.

... Проводив нудистку, Матвей принял еще одну пилюлю бромада и теперь, абсолютно неспособный на подвиги, сонно пялился в открытый зев холодильника.

В меню были пельмени.

При воспоминании о пельменях Матвея всего передернуло: второй день употреблять несоленые – так даже в тайге над ними не измывались. И зачем только соврал матушке, что приготовил мясо по-французски? Интересно, как оно выглядит – это мясо по-французски?

Идей о добывании соли было две: сходить в магазин или

к соседям. К соседям было ближе.

Правда, это нарушало принципы, но на то они и принципы, чтобы их нарушать.

Шум за стеной обнадеживал: судя по всему, там смотрели боевик. Были слышны голоса героев, звуки потасовки и погони.

«Твоя тупость может тебя спасти», – расслышал Матвей. Это был знак.

Мотя в тайге только тем и спасался, что не по одному разу пересмотрел черные комедии, в особенности от Гая Ричи и Квентина Тарантино, поэтому по одной только фразе без труда определил, что брат домомучительницы, если это был он, смотрит «Карты, деньги, два ствола». Это был хороший знак.

Это означало, что у них с соседом есть общие интересы – любовь к кинематографу вообще и к классной черной комедии в частности. У Матвея даже диск с этим фильмом от частого употребления пришел в негодность.

Никаких других звуков слышно не было, на основании чего Матюша пришел к выводу, что домомучительницы дома нет. Вывод вдохновил на вылазку.

Не глядя Матвей напялил первую попавшуюся футболку, сунул ноги в тапки и открыл дверь.

Черт возьми. Если бы он не отделался от нудистки, которая отзывалась и на Таню, и на Тоню, не сидел бы сейчас без соли, подумалось вскользь. Сам дурак.

В ту самую минуту, как Матвей Степура выдвинулся из квартиры, на площадке остановился лифт. Двери с лязгом разъехались, и стало ясно, что это никакой не лифт, а личный небесный транспорт ангела из аптеки...

А он тут в таком непрезентабельном виде...

Первым делом Матвей метнулся назад, но потерял тапку, после чего плюнул на все и сделал то, что делал обычно, – положился на случай.

– Здравствуйте, – спохватился он, когда глазеть на ангела стало неприлично, – а вы приехали или уезжаете?

– Приехала. – Ангел был явно не в духе и загремел ключами, как тюремный страж, и направился к соседней вражеской квартире номер 21. Упс.

– Вы здесь живете? – Матвей испытал эмоциональное потрясение.

Господи, только не это, мысленно взмолился он, и короткая молитва была услышана.

– Э-э-э... Н-нет, я не здесь живу, – прошелестел ангел и устоялся на ничем не примечательную грудную клетку Матвея.

Матвей скосил глаза на футболку, на которой жизнеутверждающе вздыбился виниловый фаллос, и вдруг тяжело, мучительно, до слез покраснел.

Футболку в качестве прикола подарил Витася, сопроводив подарок напутствием: «Встречают по одежке».

Черт дернул надеть эту гребаную футболку именно сего-

дня, именно тогда, когда судьбе угодно было привести ангела в его дом, в его подъезд, на его этаж!

Теперь все пропало. Все! Вся жизнь! И соли он так и не добыл! А-а-а!

* * *

... Ангел по имени Любовь исчез за дверью, и несколько мгновений Матвей не мог сдвинуться с места – так и стоял на лестничной площадке, тупо пялясь в цифру 21 на дерматиновой двери.

Идиотизм.

Только что он намеревался набить рожу самому себе и даже звонил в собственную квартиру – вот до чего дошло.

Интересно, Любовь повелась на эту лабуду?

Любо-о-овь. Лю-ю-бовь. Прямо так и тянуло исполнить арию Кармен. Какое имя! Трепетное, горячее, страстное. И рифмуется со словом «кровь».

Нет, лучше обойтись какой-нибудь вегетарианской рифмой. Например, любовь – морковь.

Совершенно обессиленный, Матвей направился к родному порогу, но вовремя спохватился: он же гость! Придется придерживаться легенды.

Развернувшись, Матвей потрусил по ступенькам вниз, звонко шлепая задниками тапок. Шлепки напоминали звук пощечин, и настроение было соответственное.

С каждым шлепком росла уверенность: Матвей Степура неудачник.

Удачливые парни в идиотских футболках не разгуливают по подъездам, не плетут небылицы, сталкиваясь с ангелами. Они вообще не сталкиваются с анге... Матвей почувствовал, что запутался.

Одно было бесспорно: везунчик не наденет такую футболку. У везунчика вообще не водятся в хозяйстве такие непристойные тряпки. Более того, у везунчика не может быть таких друзей, которые дарят непристойные тряпки. Везунчика нельзя застать врасплох, будь уверен, он столкнется с ангелом, облаченный в костюм от Армани и в рубашку от Дольче и Габбана.

«Но если уж вы столкнулись – ты и неземное создание с редким именем Любовь, то, может, не такой ты и неудачник?» – раздался в голове чей-то несмелый голос.

В этом что-то было.

В эту минуту в мозгах словно сместились какие-то пласты реликтовых пород, и Матвей будто прозрел.

Интересно, а куда же подевалась дурнушка Ава? Неужели мама сватает его за гипертоническую каргу?

Что-то тут было не так.

Судя по голосу, эта дамочка за стеной совсем не так уж и больна, если не сказать – здорова как бык. И не от занятий ли музыкой скачет давление? Вот это больше похоже на правду. «И-и – раз, и-и – два» – это способно вызвать кровоизлия-

ние в мозг. Удивительно, что он сам до сих пор счастливо избегает подобной участи.

Следующая странность: Любовь приготовила ключи и, как показалось Матвею, уже вознамерилась открыть ими дверь – подозрительный жест, если учесть, что девушка здесь не живет. Грешно так думать об ангелах, но вдруг им не чуждо ничто человеческое и они тоже иногда привирают?

И наконец, странность номер три. Самая странная из всех странностей: реакция на футболку. Ангел не покраснел, не пошел пятнами, не фыркнул и не закатил глаза – не сделал ничего из того, что положено делать ангелам, столкнувшись с изображением члена на груди у парня. Что бы это могло означать?

Что дела твои хуже некуда, подвел итог Матвей.

Спустившись на два этажа, он постоял немного, взвешивая все за и против возвращения в квартиру.

За было: острое желание посетить туалет и оставшаяся незапертой входная дверь.

Против был один, но весьма значительный аргумент – опасность разоблачения.

Победила физиология.

Чтобы не доводить дело до абсурда, Матвей поднялся наверх и остановился между пролетами.

Его чуткое ухо различало за чужими, одинаково безликими дверями детские голоса, рев стадиона (шел футбол), отголоски бразильского сериала, стук посуды и лай собак. Счаст-

ливчики. Сидят по домам. Один он торчит в подъезде.

Детская жалость к себе, одинокому, никому не нужному, охватила Матвея.

И тут, как на грех, живот опять полоснуло, и боль была просто невыносимой.

Цепляясь за перила и хватая ртом воздух, Матвей потащился домой.

С чего началось невезение? С Тони-Тани или с бромаида?

В доме нет соли, и ангел увидел не предназначенную для ангельских глаз футболку, и вообще. Сейчас ангелоподобная Любовь сопоставит тапки с тишиной в соседней квартире и все просечет.

Чтоб ей было пусто, этой футболке. И этой Тоне-Тане. И соли.

С осторожностью вора-домушника Матвей прошмыгнул в дверь собственной квартиры и обнаружил, что его одновременно тянет в сон и на унитаз. В этой связи прописка ангела уже не имела значения.

Найдя инструкцию по применению желтеньких таблеток бромаида какого-то там, Матвей внимательнейшим образом перечитал ее.

Никаких откровений не обнаружил, кроме последней фразы, маленькими буквами приписанной в самом конце: «Особые указания: ограничение потребления поваренной соли усиливает терапевтический эффект».

Это не Тоня-Таня, это рука судьбы взяла его за горло.

... Боль свернулась калачиком и засела в кишках.

Морщась и охая, Матвей принял угольные таблетки – самое ходовое средство в артели старателей «Анью», вытянувшись на диване и приготовился помирать.

По здравом размышлении следовало позвонить матушке и объявить последнюю волю. Загвоздка была в последней воле – она почему-то никак не формулировалась.

Мысли шли косяком, но были какими-то мелкими, о насущном: о кабриолете – так и не купленном, об артельских ребятах. Лешка просил купить толстые шерстяные носки, а пижон Саня заказал несессер. А самым ходовым товаром среди старателей, практически валютой, было варенье. Имея такой ресурс управления, Матвей несколько сезонов чувствовал себя царьком. Значит, сказать маме про варенье.

Никчемные мысли так увлекли, что от звонка телефона Матвей вздрогнул.

Звонил Витасик. Никогда еще Мотя так не радовался своему непутевому дружку: перманентно хмельной, Витасик вполне подходил на роль душеприказчика.

Однако, услышав с детства знакомый голос, Матвей мгновенно забыл о последних приготовлениях к вечности.

– Слушай, Витась, мне соль нужна и что-нибудь от живота, – прохрипел он.

– На фига? – Судя по голосу, друг был трезвым – редкая удача, потому что трезвый Витась тянул на homo sapiens.

– Да чё-то скрутило.

– Какая соль?

– Поваренная соль, пельмени посолить.

– А-а. Понял. А лекарство какое?

– Что-нибудь от живота.

– Лучшее средство от живота – сто граммов, – авторитетно заявил Витася, – продезинфицируешь – и как рукой снимет. Плюс полная анестезия. – Виталий Шутихин пару раз освещал в своих репортажах проблемы здравоохранения и с тех пор считал себя корифеем в этой области.

– Точно? – Матвей колебался. Не то чтобы он не верил другу, просто не хотел стать его медицинской ошибкой.

– Точно, – заверил Витасик, – а еще лучше водка с перцем.

– По-моему, так простуду лечат, а не живот.

– А может, у тебя птичий грипп?

Матвею стало не по себе.

– Я об этом как-то не подумал, – после паузы промямлил он.

– Слушай, Моть, а может, ты вызовешь скорую? – выказал невероятное здравомыслие медбрат-надомник.

В трубке воцарилась траурная тишина. Больница и тюрьма у Матвея ассоциировались с несвободой и крупными неприятностями в судьбе.

Тишина стала гнетущей.

– Ну? – напомнил о себе Витасик.

– Не-а, я думаю, все пройдет, – с наигранным оптимизмом

заверил друга Мотя, – ты давай привези соль, мы с тобой пельмени сварим. Может, у меня от голода живот болит.

Версия Шутихину понравилась.

– О! Точно! – глубокомысленно изрек он. – Через полчаса буду.

Все-таки самый лучший друг – это друг, у которого нет проблем.

... Желание забраться в постель с бутербродом и пультом от телевизора вылетело из головы.

Как ни странно, причина была в мутном типе из аптеки.

Даже горка невымытой посуды не омрачила настроение – напротив, оно вдруг, на ровном месте, как температура у ребенка, подскочило, усталость, наоборот, как рукой сняло.

Окинув критическим взглядом комнату, Августа вставила в старенький китайский «сони» диск с Gipsy Kings и взялась за уборку, но уже через минуту принялась двигать бедрами под захватывающий ритм. Темпераментная мелодия захватила, подчинила и унесла, Августа прикрыла веки и отдалась ритму фламенко целиком. В переборах гитары и хриплом соло было столько сдержанной страсти, столько жизни, неистовства и отчаяния одновременно, что к концу песни Ава, тяжело дыша, без сил рухнула на диван.

Необузданное веселье сменилось дикой тоской, на глаза выступили слезы. Господи, да что же это такое? Что с ней происходит?

Истеричка.

Утерев невесть откуда взявшиеся слезы, заставила себя построиться и двинуться на кухню.

Она не романтическая барышня, она – кормилица, она – опора и глава семьи. Ей нельзя раскисать.

И все-таки здорово, что Данька не выкинул какой-нибудь номер и не назвал ее по имени при этом убогом.

– Кто такой, чего хотел, о чем говорили? – Данька, конечно, засыпал вопросами, но это уже было не опасно – дверь была заперта.

О чем они говорили?

Августа мысленно перенеслась на лестничную площадку.

В подъезде случилось что-то важное – вот только что? Ничего же сказано не было. Ах да! Он назвал себя Матвеем.

– Ма-тве-ей, – нараспев произнесла она и включила кран. На вкус имя было терпким и вязало рот, не хуже черной рябины. Надо признать, несмотря на мятые шорты, небритость и идиотскую футболку, парень не утратил мужского обаяния. К тому же Матвей не наркоман. Не дистрофик. Не алкоголик. Не сектант. Не бандит. Может быть, бабник – все лучше, чем женоненавистник. И обещал поговорить с придурком соседом, своим другом.

Быстро вымыв и расовав по росту тарелки в сушилку, Августа с надеждой открыла холодильник. Так. Что тут у нас? Чудес не бывает, в холодильнике шаром покати. Данька, проглот, доел жаркое и выпил весь кефир.

Ну и ладно. И вообще, все отлично, все замечательно.

Состояние взволнованности не проходило, Августа подошла к окну, в котором просматривался вечерний двор. В проеме между домами угадывался проспект с трамвайными путями и рекламные огни круглосуточного магазина за ними. Огни вспыхивали и переливались всеми цветами радуги, и Августа вернулась мыслями в подъезд.

Было, ну, было одно тонкое место – нет, не идиотская футболка. Клетчатые тапки. Тапки вызывали подозрение.

Тапки не стыковались с каким-нибудь другим адресом, зато они отлично стыковались с соседней квартирой номер 22. Управлять машиной в тапках жутко неудобно – любой автолюбитель подтвердит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.